

О вероизложениях вообще, или об общем характере православной догматики

Рассуждение св. Викентия Лириинского, пресвитера и монаха Лириинского монастыря, писанное в 434 г.

Ввиду изречений Писания, поучающего: "спроси отца твоего, и он возвестит тебе, - старцев твоих, и они скажут тебе" (Втор. 32:7), также: "приклони ухо твое, и слушай слова мудрых" (Притч. 22:17), и еще: "сын мой! наставления моего не забывай, и заповеди мои да хранит сердце твое" (Притч. 3:1), думается мне.., меньшему из всех рабов Божиих, что с помощью Божией будет очень не бесполезно, если я изложу письменно то, что благоговеино принято мною от Святых отцов... Приступлю же к этому во имя Божие, и запишу завещанное мне предками предание, не с заносчивостью какого-нибудь сочинителя, а скорее с точностью верного переписчика...

Два источника православной догматики

Часто со всеусердием и величайшим вниманием обращался я к весьма многим украшенным святостью и даром учения мужам с вопросом: каким бы образом удобнее было мне, идя верным, как бы царственным, и прямым путем, отличать истину вселенской веры от лживости еретических уклонений, и всегда все давали мне почти слово в слово такого рода ответ: если кто, я ли, другой ли всякий, хочет избежать еретической лжи и пребыть в здоровой вере здоровым и невредимым, то должен, с помощью Божией, двояким образом оградить свою веру: во-первых, авторитетом Священного Писания, а во-вторых, преданием Вселенской Церкви.

Взаимное отношение Священного Писания и Святого Предания

Но может быть спросит кто-нибудь, если писанное слово Божие свято, совершенно и всегда вполне вразумительно при снесении одних мест его с другими, то какая же надобность присоединять к нему еще авторитет церковного его разумения? - Та надобность, что Священное Писание, по самой его возвышенности, не все понимают в одном и том же смысле, но один толкует его изречения так, другой иначе, так что почти сколько голов, столько же, повидимому, можно извлечь из него и смыслов. По-своему объясняет его Новациан, по-своему Савеллий, по-своему Донат, Арий, Евномий, Македоний, по-своему Фотин, Аполлинарий, Прискиллиан, Иовиниан, Пелагий, Целестий, по-своему, наконец, Несторий. А потому-то и совершенно необходимо, при таком множестве бесчисленно разнообразных изворотов заблуждения, направлять нить толкования пророческих и апостольских Писаний по норме церковного и вселенского их понимания.

Признаки истинного предания

В самой же Вселенской Церкви всеми мерами надобно держаться того, во что верили повсюду, во что верили всегда, во что верили все: потому что то только в действительности и в собственном смысле есть вселенское, как показывает и само значение этого слова, что, сколько возможно, вообще все обнимает. А этому правилу мы будем, наконец, верны, только если будем следовать всеобщности, древности, согласию.

Следовать всеобщности значит признавать истинной только ту веру, которую исповедует вся Церковь на всем земном шаре.

Следовать древности значит ни в коем случае не отступать от того учения, которого несомненно держались наши святые отцы и предки.

Следовать, наконец, согласию - значит в самой древности принимать только те вероопределения и изъяснения, которых держались все, или, по крайней мере, почти все пастыри и учителя.

Пояснение этого примерами церковной истории

Как, поэтому, поступил бы теперь православный христианин, если бы какая-нибудь частичка Церкви отделилась от общения вселенской веры? - Не иначе, конечно, как предпочтя здравость всеобщего тела вредоносной зараженной части.

А если новая какая-нибудь зараза покусится запятнать не частичку уже только, но всю одновременно Церковь? - Тогда, значит, надобно пристать к древности, которая, разумеется, не может уже быть обольщена никаким коварством новизны.

А если в самой древности окажется заблуждение, которого держались два-три человека, пожалуй - целый город, или даже какая-нибудь целая область? Тогда, без сомнения, следует упорству или безрассудству немногих предпочесть те определения, которые в древности постановлены были всей Церковью с общим согласием.

А если в будущем встретится какой-нибудь такого рода вопрос, что в древности нельзя найти на него решения, постановленного по общему согласию? Тогда надобно постараться разобрать и сличить мнения отцов, живших хотя бы то в разные времена и в разных местах, но непременно пребывавших по вере в общении с единой вселенской Церковью и бывших уважаемыми учителями, и если окажется, что не один, или двое только, но все вместе единогласно что-либо такое содержали, писали, преподавали, открыто, часто, неизменно, то следует принять, что и мы так же должны в это веровать без всякого сомнения.

Чтобы положения наши были понятнее, нужным считаем пояснить каждое из них примерами и раскрыть несколько более обстоятельно, дабы по неумеренной заботе о краткости не ослабить беглым изложением их силы.

Во времена Доната, от которого взяли свое название донатисты, значительная часть Африки впала в его безумные заблуждения и, забыв имя Христово, веру, обеты крещения, предпочла Христовой Церкви святотатственное упорство одного человека. Тогда из жителей Африки возмogli пребыть в святилищах вселенской веры здоровыми только те, кто, прокляв непотребный раскол, соединился со всеми церквами мира, оставив потомкам истинно прекрасный образец того, как именно впредь добрым людям следует предпочитать здравомыслие всех сумасбродству одного, или даже нескольких лиц.

Также, когда яд арианства коснулся не частички уже какой-нибудь, но почти всего мира,.. тогда истинные любители и читатели Христа не потерпели вреда от этой отравы, потому что предпочли вероломной новизне древнюю веру. Страсти того времени достаточно с избытком показали, сколько бед приносит введение новизны в догмате. Тогда не что-нибудь малое, но все великое было потрясено,- поколеблены были в основах и расшатаны не только отношения родства, свойства, дружбы, семейного быта, но целые города, селения, области, целые страны, вся, наконец, Римская империя. А все это не по той ли единственно причине, что тогда вместо небесного догмата вводились суеверия человеческие, благоутвержденная древность подрывалась преступной новизной, нарушались постановления старейших, рвались заветы отцов, ниспровергались определения предков, и страсть нечестивой и новопринятой пытливости не удерживала себя в непорочных границах священной и незапятнанной старины?

Но может быть мы представляем себе это только по пристрастию к старине и по ненависти к новшествам? Кто думает так, пусть поверит по крайней мере блаженному Амвросию, который во второй книге (О вере, гл. 4), посвященной императору Грациану, оплакивая тоже бедствия той поры, говорит: "Но довольно уже, всемогущий Боже, омыли

мы своими ссылками и своей кровью избиения исповедников, заточения пастырей и все непотребства этого страшного нечестия! Совершенно ясно теперь всем, что тот не может быть безопасен, кто решится нарушить веру"!

В третьей книге (гл. 7) того же творения он пишет еще: "Будем же хранить заветы предков и не дерзнем никогда с безумством дикой отваги ломать наши наследственные печати! Ту запечатанную апокалиптическую книгу не дерзнули раскрыть ни старцы, ни власти, ни ангелы, ни архангелы: преимущество раскрыть ее предоставлено исключительно одному Христу (Откр. гл. 5). Дерзнет ли же кто из нас снять печати с книги пастырского учительства [то есть нарушить неприкосновенность догматического учения Церкви.- Изд.], запечатанной исповедниками и освященной уже мученичеством многих? Кого вынудили некогда снять ее печати, те после наложили их опять; а кто не осмелился их коснуться, те стали исповедниками и мучениками. Решимся ли каким-нибудь образом мы отвергать веру тех, чью победу прославляем?" - Прославляем, Амвросий досточтимый, действительно, говорю, прославляем и, прославляя, дивимся!

Кто в самом деле будет так безумен, что, при всем бессилии сравняться, не пожелает, по крайней мере, идти по следам тех, кого ничто не отторгло от защищения веры предков, ни угрозы, ни ласкательства, ни жизнь, ни смерть,.. кого за приверженность к благоверной старине Господь сподобил такого дара, что через них восстановил церкви низвергнутые, оживил народы, умершие духовно, возвратил пастырям их права попранные, смыл непотребную пачкотню новаторского нечестия стекшим свыше к епископам потоком слез, проливающимися верующими,- наконец, весь почти мир, потрясенный страшной бурей мгновенно налетевшей ереси, обратил от новоявленного верокарушения к древней вере, от безумства новизны к древнему здравомыслию, от недавнего ослепления к древнему свету!

Но в этой сверхъестественной силе исповедников мы должны заметить также в особенности то, что в самой древности церковной они защищали веру не какой-нибудь части, а всего церковного общества. Да и не свойственно было такому множеству великих мужей со всеми усилиями отстаивать ошибочные и взаимно противоречивые предположения одного или двух человек, или даже подвизаться за какой-нибудь безрассудный замысел какой-либо области. Напротив, следуя решениям и определениям всех древних пастырей святой Церкви, наследников апостольской и вселенской истины, они хотели лучше пожертвовать сами собой, нежели общесогласной верой всей древности. Оттого-то и сподобились они приобрести такую славу, что их достойно и праведно почитают не только исповедниками, но и величайшими из исповедников.

...И их образ действий не какая-нибудь новость. В Церкви всегда процветал обычай, что чем боголюбивее был кто, тем решительнее выступал против новых вымыслов. Такими примерами полна вся история. Но, чтобы не пускаться вдаль, мы возьмем один какой-нибудь...

Некогда почтенной памяти Агриппин, епископ карфагенский, вопреки Священному Писанию, вопреки правилу веры всей Церкви, вопреки мнению всех других пастырей, вопреки обычаю и уставам предков, первый из всех смертных придумал, что надобно перекрещивать. Высокоумие это наделало столько зла, что не только всем еретикам послужило образцом к поруганию святости, но и некоторым из православных дало повод к заблуждению.

Тогда против новости этой восстали все повсюду и все во всех странах пастыри Церкви, с свойственным каждому из них усердием, отклонили ее от себя. Тогда же... противостал ей предстоятель апостольской кафедры, блаженной памяти папа Стефан,.. В письме, посланном тогда в Африку, он постановил: ничего не должно вводить нового, кроме того, что предано. Святой и мудрый муж понимал, что непременно условием благочестия служит правило, чтобы, как отцы во что верили, так верой запечатлели бы то же самое и дети; что наш долг - не религию вести, куда бы захотели, а следовать, куда она

нас ведет; и что скромности и достоинству христианина свойственно не свое передавать потомкам, а сохранять для них принятое от предков.

Какой же был тогда исход всего дела?

Какой другой, кроме обыкновенного и всегдашнего! Древность была удержана, а новизна отвергнута... Какое влияние имел сам собор Африканский, впоследствии [при св. Киприане. - Изд.] подтвердивший то нововведение? - По милости Божией, никакого: все как сновидение, как басня, как нелепость, было затем отброшено, попрано, уничтожено.

И, - какой дивный оборот дел! - изобретатели того мнения признаются православными, а последователи - еретиками, - учителя разрешены, а ученики осуждены, писатели сочинений в оправдание его будут сынами царства, а защитники их подвергнутся геенне. [1]

В самом деле, кто будет так безумен, и усомнится в том, что светило всех святых, всех епископов, всех мучеников, блаженнейший Киприан, и прочие его споспешники будут вечно царствовать со Христом? Или кто, напротив, так нечестив, что станет отрицать, что донатисты и прочие заразителы, в оправдание перекрещивания ссылающиеся на авторитет того собора, будут гореть в неугасимом пламени вместе с дьяволом? Мне кажется, что такой исход дела по вдохновению Божию состоялся особенно ввиду коварства того рода людей, которые, замышляя пустить в ход свою ересь под чужим именем, берут большей частью малоизвестное сочинение какого-нибудь древнего мужа, по неясности своей как будто благоприятствующее их учению, чтобы таким образом показать, что то, что они проповедают, что бы там ни было, проповедают не они первые и не они одни. Нечестие такого рода людей я считаю вдвойне заслуживающим отвращения, как потому, что они не страшатся упивать других ядом ереси, так и потому, что они выставляют, так сказать, на ветер память святого человека, как будто какой прах безжизненный, и те мнения его, которые надлежало погребсти молчанием, позорят, поднимая их вновь. Они идут совершенно по следам учителя их Хама, который не только не позаботился прикрыть наготу почтенного отца своего Ноя, но рассказал еще о ней другим в посмеяние, чем и заслужил то, что даже на потомков его пало проклятие этого греха. Совсем не так поступили блаженные его братья. Они не хотели ни своими глазами видеть наготу досточтимого своего отца, ни других допустить над ней издеваться: но покрыли его, как сказано в Писании, обратившись лицом назад, то есть они и не одобрили ошибки святого мужа, но и не выставили ее на позор, а за то и получили в награду щедрое благословение своему потомству. Однако вернемся к предмету.

Неизменность догматического учения веры

Итак, мы крайне должны бояться греха изменять веру и нарушать Православие. Нас предостерегает от этого не только благочиние церковной практики, но и приговор Апостольского авторитета.

Всем известно, как сильно, как грозно, как настойчиво порицает блаженный апостол Павел тех, которые с непостижимым легкомыслием так скоро от Призвавшего их в благодать Христову перешли к иному благовествованию, тогда как благовествование не может быть иным (Гал. 1:6-7); которые избрали себе учителей по своей прихоти, отвратили слух от истины, обратились к басням (2 Тим. 4:3-4) и подлежат осуждению за то, что отвергли прежнюю веру (1 Тим. 5:12). О людях оболъстивших их тот же Апостол пишет в Послании к римлянам: "умоляю вас, братия, остерегайтесь производящих разделения и соблазны, вопреки учению, которому вы научились, и уклоняйтесь от них; ибо такие люди служат не Господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву, и ласкательством и красноречием оболъщают сердца простодушных" (Рим. 16:17-18). Они "вкрадываются в дома и оболъщают женщин, утопающих во грехах, водимых различными похотями, всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания

истины" (2 Тим. 3:6-7); они "пустословы и обманщики, развращают целые дома, уча, чему не должно, из постыдной корысти" (Тит. 1:10-11),- "люди, развращенные умом, невежды в вере" (2 Тим. 3:8), "гордые и ничего не знающие, но зараженные страстью к состязаниям и словопрениям" (1 Тим. 6:4)... Их "непотребное пустословие" много споспешествует нечестию, "и слово их распространяется как рак" (2 Тим. 2:16-17). Хорошо, однако, что далее пишется о них: "но они не много успеют; ибо их безумие обнаружится перед всеми" (2 Тим. 3:9)...

Когда некоторые из такого рода людей, торгуя своими заблуждениями по областям и городам, пришли также к галатам, и когда галаты, наслушавшись их, почувствовали как бы какое-то отвращение к истине и начали, отбросив манну вселенского учения, услаждаться нечистотами еретической новизны; тогда Павел употребил весь авторитет своей апостольской власти и с крайней строгостью определил: "но если бы даже мы,- сказал он,- или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема" (Гал. 1:8). Что значат слова его: "но если бы даже мы"? Почему не сказал он: "но если бы даже я"? Это значит: хотя бы Петр, хотя бы Андрей, хотя бы Иоанн, хотя бы наконец весь сонм апостолов благовестит вам что-нибудь другое, чего мы не благовествовали, анафема да будет.

Потрясающая угроза! Чтобы утвердить неизменность прежней веры, Апостол не пощадил ни себя, ни прочих апостолов!

Мало того,- хотя бы, говорит он, "ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема". Ему недостаточно было для охранения однажды преданной веры упомянуть о существах человеческой природы: он объял и ангельское превосходство. "Если бы даже мы,- говорит,- или ангел с неба". Не то значит это, чтобы святые небесные ангелы действительно могли погрешать; но вот что он хочет сказать этим: если бы, то есть, случилось даже невозможное, кто бы ни был тот, кто покусится изменить однажды преданную веру, анафема да будет. Может быть слова эти сказались случайно, или вырвались у него неволью как-нибудь по человеческому увлечению, а не предписаны по изволению Божию? Отнюдь нет. В дальнейшей своей речи он с удвоенной настойчивостью повторяет опять то же самое и внушает с особой силой: "как прежде мы сказали, так и теперь еще говорю: кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема" (Гал. 1:9). Не сказал: если кто будет возвещать вам что-нибудь другое, кроме прежде принятого вами, да будет благословен, прославлен, принят, но - анафема да будет,- да будет, то есть, отлучен, отделен, извержен, чтобы лютая язва одной овцы не пятнала ядовитой заразой непорочного стада Христова.

Но, может быть, это предписано было только галатам? Если так, то значит, и далее упоминаемое в том же послании, как то: "Если мы живем духом, то по духу и поступать должны. Не будем тщеславиться, друг друга раздражать, друг другу завидовать" (Гал. 5:25-26), предписано также только галатам! Но это нелепо; нравственные заповеди эти равно для всех обязательны. Следовательно и выше приведенное предостережение касательно веры равным образом также для всех обязательно, и как никому непозволительно раздражать другого, или завидовать другому, так никому не позволительно и принимать что-нибудь такое, чего Церковь вселенская не благовествовала бы всегда.

Или, может быть, анафематствовать тех, которые возвестили бы что-нибудь другое, кроме возвещенного сначала, повелевалось только тогда, а ныне уже не повелевается? Если так, то значит и следующее, что здесь же говорит Апостол: "Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожелений плоти" (Гал. 5:16), повелевалось также только тогда, а теперь уже не повелевается! Но думать так нечестиво и вместе пагубно. А отсюда необходимо следует, что если последнее предписание должно быть соблюдаемо во все времена, то и узаконение касательно неизменности веры постановлено также для всех времен. Следовательно, возвещать христианам православным что-нибудь такое, чего они прежде не приняли, никогда не позволялось, никогда не позволено, никогда не будет

позволяться, и анафематствовать тех, которые возвещают что-либо кроме раз навсегда принятого, всегда должно было, всегда должно, и всегда будет должно.

Если же так, то кто будет так дерзок, чтобы осмелиться возвестить что-нибудь такое, чего прежде не было возвещено в Церкви, или так легкомыслен, что примет что-нибудь кроме того, что принял от Церкви? Сосуд избранный (Деян. 9:15), учитель язычников (Гал. 2:9), труба апостольская, провозвестник вселенной, таинник небесный, апостол Павел гласит в своих писаниях, гласит всем, гласит на все времена, на все места, и снова повторяет глас свой: кто бы ни возвестил новый догмат, да будет анафема! А с другой стороны какие-нибудь жабы, мошки, мухи издыхающие, вроде пелагиан, жужжат православным: мы учредители, мы установители, мы изъяснители,- осудите, что содержали, содержите, что осуждали, отвергните древнюю веру, отеческие постановления, заветы предков, и вместо них примите... а что примите?! страшно выговорить, потому что все это так высокомерно, что, кажется, не только утверждать, но и опровергать этого нельзя, некоторым образом не замавав себя.

Для чего же, спросит кто-нибудь, часто попускает Бог, что некоторые знаменитые в Церкви лица возвещали православным новое? Вопрос справедливый и заслуживающий того, чтобы рассмотреть его обстоятельнее и пространнее. Только решать его надобно не от своего ума, а по указанию закона Божия, образца учительства церковного. Итак, послушаем святого Моисея. Он вразумит нас, для чего попускается иногда мужам ученым, за благодать ведения называемым у Апостола даже пророками (1 Кор. 14:29), высказывать новые догматы, в Ветхом Завете иносказательно называемые обыкновенно "богами иными", по той, конечно, причине, что еретики почитают свои мнения точно так же, как язычники - богов своих.

Блаженный Моисей пишет во Второзаконии: "Если восстанет среди тебя пророк, или сновидец", - то есть поставленный в Церкви учитель, которого ученики или слушатели его считают учащим как бы по откровению свыше,- что потом?

"И представит тебе,- говорит,- знамение или чудо, и сбудется то знамение или чудо, о котором он говорил тебе",- указывается в некотором роде действительно великий и столько многосведущий учитель, что последователи его считают его не только познавшим человеческое, но могущим предузнавать и то, что выше человека, каковы были, как хвастают их ученики: Валентин, Донат, Фотин, Аполлинарий и другие им подобные,- что далее?

"И скажет притом,- говорит,- пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им",- кто эти боги иные, если не заблуждения чуждые, тебе прежде неведомые, то есть, новые и неслыханные? "И будем служить им",- то есть, поверим им, последуем им,- что наконец?

"То не слушай,- говорит,- слов пророка сего, или сновидца сего".

Почему же, скажи, не воспрещается Богом учить тому, что Богом же воспрещается слушать? "Ибо,- говорит,- чрез сие искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего,- или нет,- от всего сердца вашего и от всей души вашей" (Втор. 13:1-3). Вот яснее дня стало, почему промысл Божий попускает иногда некоторым учителям церковным проповедовать разного рода новые догматы: "искушает вас,- говорит,- Господь, Бог ваш"!..

Итак, все истинно православные должны знать, что их долг вслед за Церковью принимать ее учителей, а не вслед за учителями покидать веру Церкви...

Подлинно и истинно православен тот, кто к Церкви, кто к телу Христову, кто к истине Божией привержен всей душой, кто выше Божественной религии, выше вселенской веры ничего не ставит: ни авторитета, ни любви, ни дарований, ни красноречия, ни философии какого-нибудь человека, но, презирая все это и пребывая в вере твердым, постоянным, непоколебимым, считает долгом своим содержать только то и верить только тому, о чем известно, что это с древности согласно содержала вся Церковь вселенская, а о чем узнает, что оно после вводится кем-нибудь одним помимо всех, или

вопреки всем святым, как новое и неслыханное, то признает относящимся не к религии, но больше к искушению, внимая также в особенности изречению блаженного апостола Павла, который в Первом послании к коринфянам пишет: "надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные" (1 Кор. 11:19). Как бы так говорит Апостол: виновники ересей для того не тотчас искореняются Богом, "дабы открылись искусные", то есть, чтобы видно было, как крепко, как верно и непоколебимо любит каждый веру вселенскую.

И действительно, как только покажется какая-нибудь новизна, сейчас видна делается тяжесть зерен и легкость мякины. Тогда без большого усилия сметается с гумна все, что не тяготело к нему никакой тяжестью. Одни совсем улетают неизвестно куда. Другие так встревожены, что и бежать боятся, и оставаться стыдятся,- растерялись, полумертвые, полуживые... То, с усилением заблуждения, несутся они, куда ветер гонит, то, пришедши в себя, отбиваются как волны назад. То с слепой отвагой бросаются на то, что очевидно им неизвестно, то с неразумным страхом пугаются совершенно известного, и совсем не знают, куда идти, куда вернуться, чего искать, чего бежать, чего держаться, что оставить. Впрочем, это смятение колеблющегося и нерешительного чувства, если бы только они захотели вникнуть, есть врачество, подаваемое им Божиим милосердием. Вне безопаснейшей пристани вселенской веры они для того мучатся, казнятся и почти совсем изнывают от разных бурных помыслов, чтобы опустили поднятые вверх паруса возносливого ума, некстати распущенные ими под ветер новизны, воротились и снова стали в надежнейшее пристанище безмятежной и благой матери Церкви; изрыгнув горькие и тревожные волны заблуждений, чтобы пить затем животворные потоки ключевой воды. Пусть изучат они хорошо, чего не знали хорошо, и что во всем содержании догматического учения Церкви можно постигнуть, то пусть постигнут, а чего нельзя, в то пусть верят.

А когда так, то снова и снова размышляя и продумывая про себя об этом предмете, не могу довольно надивиться такому безумству некоторых людей, такому нечестию ослепленного ума, такой, наконец, страсти к заблуждению, что не довольствуются они однажды преданным и издревле принятым правилом веры, но каждый день ищут нового да нового, и всегда жаждут что-нибудь прибавить к религии, изменить в ней, убавить от нее, как будто она не небесный догмат, которому достаточно быть однажды открыту, а земное учреждение, могущее усовершаться только постоянными поправками или опровержениями! Между тем божественные вещания гласят: "не передвигай границы давней, которую провели отцы твои (Притч. 22:28), "выше Судии не суди" (Сир. 8:17); "кто разрушает ограду, того ужалит змей" (Еккл. 10:8).

То же самое внушает и следующее изречение Апостола, которым, как бы мечем каким духовным, много раз обсекаемы были и всегда должны быть обсекаемы все преступные новизны всех ересей: "О Тимофей! храни преданное тебе, отвращаясь скверных суесловий и прекословий лжеименного разума, которому предавшись, некоторые уклонились от веры" (1 Тим. 6:20-21). Находятся же после того люди, до такой степени зачерствшие как глыба, неподатливые как наковальня, упорные как кремень, что не поддаются такому гнету глаголов небесных, не разбиваются такими тяжестями, не сокрушаются такими молотами, не истлевают, наконец, под такими молниями! "Отвращайся,- говорит Апостол,- скверных суесловий", то есть новшеств. Не сказал "древностей", не сказал "старины", напротив, противоположением ясно показал, чему следовать. Если уклоняться надо новизны, то держаться должно древности; если новизна непотребна, то старина священна. "И прекословий,- говорит,- лжеименного разума". Действительно, в еретических учениях наименования лживы: невежество там называется разумом, туман - ясностью, мрак - светом. "Которому предавшись,- говорит,- некоторые уклонились от веры". Чем же хвалясь погрешили они, как не новым каким бы то ни было и неведомым учением? Послушай кого-нибудь из них, что они говорят: "Идите, - говорят, - жалкие несмысли, обыкновенно называющиеся православными, и научитесь истинной

вере, которой кроме нас никто не понимает, которая прежде много веков скрывалась, а недавно открыта и стала явна; но учитесь украдкой и тайком,- это вам доставит удовольствие". И еще: "когда научитесь, то учите скрытно, чтобы ни мир не слышал, ни Церковь не знала, потому что понять такую непостижимую тайну дано немногим".- Не голос ли это блудницы, зовущей к себе, в Притчах Соломоновых, прохожих, идущих своей дорогой! Вот ее слова: "кто глуп, обратись сюда!" И глупцов уговаривает она: "воды краденые сладки, и утаенный хлеб приятен". Что далее? "Он,- говорит Премудрый,- не знает, что мертвецы там, и что в глубине преисподней зазванные ею" (Притч. 9:16-18). Кто эти мертвецы, поясняет Апостол. Это те, говорит он, которые уклонились от веры.

Но стоит труда рассмотреть все это место из Апостола с удвоенным вниманием. "О, Тимофей! храни преданное тебе, отвращаясь скверных суесловий",- говорит он.

"О"! Воскликание это означает и предведение, и любовь: Апостол предвидел имевшие быть заблуждения и наперед их оплакал.

Кто теперь "Тимофей", если не вся вообще Церковь, или не все в частности сословие ее предстоятелей, которые как сами обязаны блюсти, так и другим должны сообщать неповрежденное знание божественной веры?

Что значит: "храни преданное"? Значит: сторожи, потому что есть воры, есть враги,- чтобы между добрыми семенем пшеницы, которое посеял на поле Своем Сын Человеческий, не посеяли они, когда спят люди, плевел (Мф. 13:37-39).

"Храни,- говорит,- преданное". Что такое "предание"? То, что тебе вверено, а не то, что тобой изобретено, то, что ты принял, а не то, что ты выдумал,- дело не ума, но учения, не частного обладания, но всенародной передачи, дело, до тебя дошедшее, а не тобой открытое, в отношении к которому ты должен быть не изобретателем, но стражем, не учредителем, но последователем, не вождем, но ведомым.

"Храни,- говорит,- преданное", то есть талант веры вселенской сбереги в целостности и неповрежденности. Что тебе вверено, то пусть и остается у тебя, то ты и передавай. Ты получил золото, золотом и отдавай. Не хочу, чтобы ты мне подкидывал вместо одного другое, не хочу, чтобы вместо золота подставлял ты нагло свинец, или обманно - медь; не хочу золота по виду, давай его натурой.

"О Тимофей",- о пастырь, о писатель, о учитель! Если дарование Божие сделало тебя способным по уму, по образованию, по учености, то будь Веселиилом (Исх. 31:2-5) духовной скинии, полируй драгоценные камни божественного догмата, прилаживай их верно, распределяй их мудро, придавай им блеск, грацию, прелесть. Старайся, чтобы вследствие твоего более ясного изложения, яснее разумели то, во что прежде верили не так ясно. Достигай, чтобы потомство с сознанием славословило то, что прежде древность чтитла неосознанно. Но учи тому, чему тебя научили, и говоря ново, не скажи нового!

Прогресс догматики

Следовательно, скажет может быть кто-нибудь, в Церкви Христовой не должно быть никакого преспеяния в усвоении религии? Конечно должно быть, и притом - величайшее. Кто так завидлив к людям, и ненавистлив к Богу, что решится отвергать это! Только преуспеяние это должно быть действительно преспеянием, а не переменой веры.

Преуспеяние состоит в том, когда тот или другой предмет усовершенствуется сам по себе, а перемена - в том, когда что-нибудь перестает быть тем, что оно есть, и превращается в другое. И так пусть возрастает и в высшей степени преуспеивает с течением лет и веков понимание, разумение, мудрость, как каждого отдельного христианина, так и всех вместе,- как одного человека, так и всей Церкви, но только в том же роде, то есть в одном и том же догмате, в одном и том же смысле, в одном и том же предмете понимания.

Религия, дело души, пусть уподобляется в этом отношении телам. С приращением лет, тела раскрывают и развивают члены свои, однако остаются теми же, чем были.

Цветущая пора детства и зрелый возраст старческий очень различны между собой, однако стариками делаются те же самые, которые прежде были детьми, так что, хотя рост и наружность одного и того же человека изменяются, тем не менее природа его неизменна, личность его остается одна и та же. Члены у младенцев небольшие, у юношей - большие, однако те же самые. Сколько членов у малюток, столько же у взрослых; и если что прибавляется с течением лет, то все это существовало уже прежде в зародыше, так что потом в старцах не обнаруживается ничего нового, чего не таилось бы уже прежде в детях. Следовательно, настоящий, правильный закон преуспеяния, непреложный и благолепнейший порядок возрастания, несомненно тот, когда в течение лет развивает в более зрелых возрастах непременно те же самые составные части и формы, которые премудрость Творца предназначала в малютках, так что если бы вид человека превратился впоследствии в какой-нибудь образ не своего рода, или даже если бы только что-нибудь прибавилось к количеству его членов, или убавилось в нем, то все тело неизбежно или умирает, или делается уродливым, или, по крайней мере, становится слабее.

Этому же закону преуспеяния необходимо должно следовать и догматическое учение христианской веры. Пусть оно с годами крепнет, со временем расширяется, с веком возвышается, но остается нерушимым и неповрежденным, целым и совершенным во всех своих частях, во всех, так сказать, членах и чувствах своих, следовательно, без малейшей сверх того перемены, без всякой утраты в своем содержании, без всякого изменения своих определений.

Приведу сравнение. На этой ниве церковной предки наши посеяли в древности семена пшеницы - веры. Несправедливо и несообразно с существом дела, чтобы мы, потомки их, вместо хлеба - неподложной истины, оставили после себя наследникам плевелы - заблуждения... Что земледелием Божиим по вере отцов насажено в нашей Церкви, то самое пусть старанием сыновей и возделывается, и наблюдается, то самое пусть цветет и зреет, то самое пусть преспеивает и совершенствуется...

Если однажды дать волю нечестивой неправде в этом отношении, то ужасаюсь сказать, какая страшная последует опасность разрушения и уничтожения религии. Тогда, отвергнув одну какую-нибудь часть вселенского догмата, как бы по обычаю уже, и с дозволения начнут постепенно отвергать одну за другой и прочие его части. А затем, когда отвергнут части порознь, что иное последует наконец, как не совокупное отвержение целого? С другой стороны, если начнут примешивать к древнему - новое, к своему - чужое, к священному - непотребное, то обычай этот необходимо распространится по всему, так что после ничего не останется в Церкви нетронутого, ничего неповрежденного, ничего целого, ничего незапятнанного, но, где прежде было святилище чистой и непорочной истины, там будет наконец непотребный дом нечестивых и гнусных заблуждений. Да отвратит от умов наших непотребство это благодать Божия! Пусть остается уж оно безумием нечестивых.

Церковь же Христова, заботливая и осторожная блюстительница вверенных ее хранению догматов, никогда в них ничего не изменяет, ничего не уменьшает, ничего не прибавляет,- необходимого не отсекает, излишнего не принимает, своего не теряет, чужого не присваивает; но со всей рачительностью старается единственно о том, чтобы, рассуждая о древнем верно и мудро, если что в древности предназначено и основано, то довершать и отделять, если что пояснено уже и истолковано, то укреплять и подтверждать, если что подтверждено уже и определено, то хранить.

Чего другого, наконец, всегда старалась она непременно достигнуть определениями соборными? Не того ли только, чтобы после с рассудительностью веровали в то же самое, во что прежде веровали в простоте, чтобы после настойчиво проповедовали то же самое, что прежде проповедовали исподволь, чтобы после с осторожностью возделывали то же самое, что прежде обрабатывали безопасно? Не колеблясь говорю, и всегда скажу, что Вселенская Церковь, побуждаемая новизнами еретиков, через определения своих соборов не другое что-нибудь делала, как именно

только то, что принятое ею прежде от предков по преданию подтверждала потом для потомков собственноручным письменным удостоверением, заключая в немногих строках множество предметов, выражая обыкновенно, для яснейшего уразумения, таким или другим новым наименованием не новый смысл веры.

Но возвратимся к Апостолу. "О, Тимофей! храни преданное тебе, отвращаясь скверных суесловий". - Уклоняйся, говорит, как будто ехидны, как скорпиона, как василиска, чтобы не уязвили тебя не только прикосновением, но даже взглядом или дыханием... "Скверных суесловий". Каких это скверных? Таких, которые не имеют в себе ничего святого, ничего религиозного, и совершенно чужды таинниц Церкви, которая есть храм Божий.

"Скверных суесловий", то есть новых догматов, дел, мнений, противных старине и древности, в случае принятия которых необходимо должна разрушиться вера блаженных отцов, или вся, или, по крайней мере, в большей части, и необходимо будет объявить, что все верующие всех веков, все святые, все непорочные, подвижники, девственники, все клирики, левиты и священники, столько тысяч исповедников, столько воинств мучеников, такое множество знаменитых городов и селений, столько островов, областей, царей, народов, царств, наций, наконец, почти вся уже вселенная, через вселенскую веру объединившаяся под главенством Христовым в одно тело, все в течение стольких веков блуждали в неведении, ошибались, богохульствовали, не знали, во что веровали.

"Уклоняйся скверных суесловий": принятие их и следование им никогда не было делом православных, а всегда было делом еретиков. И в самом деле, не всякая ли ересь возникала всегда под известным именем, в известном месте, в известное время? Не всегда ли тот, кто основывал ересь, отделялся прежде от согласия со всеобщностью и древностью вселенской Церкви?

Справедливость этого яснее дня видна из примеров. Кто, например, до непотребного Пелагия придавал такую силу свободному произволению человека, что не считал при этом благодати Божией необходимой для вспомоществования в добрых делах при каждом действии? Кто до несчастного ученика его Целестия отвергал учение, что преступлению Адамову повинен весь род человеческий? Кто до нечестивого Ария дерзал разрывать единство Троицы, или до беззаконного Савеллия сливать троичность Единства?..

Примеров такого рода, опускаемых нами по заботе о краткости речи, бесчисленное множество. Но все они ясно и очевидно показывают, что во всех почти еретических обществах введено как бы в обычай и поставлено в закон: услаждаться всегда непотребными новшествами, пренебрегать заветами древности и через прекословия, неправильно так называемого ими, "разума" претерпевать крушение в вере. Напротив, отличительная особенность православных состоит в том, что они хранят предания и заветы святых отцов, осуждая непотребные новшества, по слову Апостола, дважды повторенному: "кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема" (Гал. 1:9).

Отношение еретиков к Священному Писанию

Теперь может быть спросит кто-нибудь: неужели и еретики пользуются свидетельствами Священного Писания? - Пользуются, действительно, и притом - необыкновенно много. Они, заметь, рыщут по всем книгам Божественного Закона, - по книгам Моисея, по книгам Царств, по Псалмам, по Апостолам, по Евангелиям, по Пророкам. При своих ли, или при чужих, частно ли, или публично, в устных ли беседах, или в сочинениях, в домашних ли собраниях, или в общественных сходках, они никогда почти не говорят о своем ничего такого, чего не старались бы оттенить вместе с тем и словами Писания. Возьми сочинения Павла Самосатского, Прискиллиана, Евномия, Иовиниана, и прочих отравителей, и ты увидишь в них несметное множество

свидетельств,- не найдешь почти ни одной страницы, которая не была бы подкрашена и расцвечена изречениями Нового или Ветхого Завета.

Но тем более и должно беречься и опасаться их, чем больше прячутся они под тень Божественного Закона. Они знают, что зловоние их едва кому может понравиться, если оставить его таким, каково оно есть, потому орошаются ароматом глаголов небесных, чтобы тот, кто легко презрел бы заблуждение человеческое, нелегко отвернулся от вещаний божественных...

Потому-то и возглашал Спаситель: "Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные" (Мф. 7:15). Что это за одежда овчая, если не священные изречения, которые пророки и апостолы с овчей безобманностью соткали, как руно, непорочному Агнцу, вземлющему грех мира? Кто эти волки хищные, как не еретики, которые с своими лютыми зверскими вымыслами постоянно нападают на овчие дворы Церкви и терзают стадо Христово, где только могут, а чтобы незаметнее подкрасться к простодушным овцам, прячут свой волчий вид, не оставляя волчьей лютости...

Но что говорит Спаситель? "По плодам их узнаете их" (Мф. 7:16). То есть, когда начнут они те божественные изречения не только выставлять на вид, но и раскрывать, не только показывать снаружи, но и толковать, тогда почувствуется горечь,.. новаторский смрад, тогда обнаружатся непотребные новшества, тогда уже увидишь, что ограда разорвется, преступаются отеческие пределы, вера вселенская закалается, догмат церковный рвется на куски.

Таковы был те, которых поражает апостол Павел во Втором послании к коринфянам, описывая их: "таковые лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид апостолов Христовых" (2 Кор. 11:13). Что значит "принимают вид апостолов Христовых"? Значит: апостолы приводили свидетельства из Божественного Писания, приводили их и они. Апостолы приводили доказательства из псалмов, приводили и они. Апостолы приводили изречения из пророков, точно так же приводили и они. Но когда то, что приводили они подобно апостолам, начали они не подобно апостолам толковать, тогда и открылось отличие подлинных апостолов от мнимых, неподдельных от поддельных, правых от превратных, истинных, наконец, от ложных. "И неудивительно,- продолжает Апостол,- потому что сам сатана принимает вид ангела света, а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды" (2 Кор. 11:14-15).

Итак, всякий раз, как только лжеапостолы или лжепророки, или лжеучители приводят изречения Священного Писания, чтобы превратным истолкованием их подтвердить свои заблуждения, они несомненно, по указанию апостола Павла, подражают лукавым ухищрениям руководителя своего, к которым тот, конечно, никогда не прибегал бы, если бы не знал по опыту, что когда надо подвести обольщение непотребным заблуждением, то нет более легкого пути к обману, как ссылка на авторитет слова Божия.

Но откуда видно, скажут, что диавол имеет обыкновение пользоваться свидетельствами Священного Писания?- Читайте Евангелие. Там написано: "Потом берет Его,- то есть Господа Спасителя,- диавол, и поставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: "ангелам Своим заповедал о Тебе охранять Тебя на всех путях Твоих, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею" (Мф. 4:5-6; Пс. 90:11-12).

Чего же не делает беднейшим людям тот, кто на Самого Господа напал свидетельством из Писаний? Если,- говорит,- Ты Сын Божий, бросься вниз. Почему? Ибо написано,- говорит.

Мы должны особенно заметить и запомнить заключающееся в этом месте наставление, чтобы, зная такой пример евангельского авторитета, когда увидим, что некоторые приводят апостольские, или пророческие изречения в опровержение вселенской веры, нимало не сомневались в том, что устами их говорит диавол.

В самом деле, как тогда глава говорил Главе, так и ныне члены говорят членам: члены диавола - членам Христовым, вероломные - верным, нечестивые - благочестивым, еретики - православным. Что же именно говорят? "Если ты сын Божий, бросься вниз", то есть, если хочешь быть сыном Божиим и наследовать царство небесное, то "бросься вниз", бросься с вершин Церкви, которая также есть храм Божий,- оставь ее учение и предание.

И если кто спросит какого-нибудь еретика, внушающего ему это: чем докажешь, на каком основании учишь, что я должен оставить древнюю всеобщую веру Вселенской Церкви, он немедленно ответит: "Ибо написано", и тотчас тебе представит тысячу примеров, тысячу доказательств из Закона, из псалмов, из апостолов, из Пророков, чтобы, истолковав их на новый и худой лад, низвергнуть несчастную душу из вселенского ковчега в омут ереси.

Что же касается до тех обетований, на которые указывал вслед за тем диавол, то еретики удивительно как навывали обманывать ими людей простодушных. Они дерзают обещать и учить, что в их церкви (то есть в скопище их согласия) дается великая, особенная, должно быть, специальная какая-то благодать Божия, так что каждый, принадлежащий к ней, без всякого труда, без всякого усердия, без всякого старания, хотя бы не просил, хотя бы не искал, хотя бы не толкал, пользуется таким благоволением Божиим, что, будучи носим на руках ангельских, охраняем покровом ангелов,- никогда не может "преткнуть о камень ногу свою", никогда не может обмануться.

Заключение

Что же, скажет кто-нибудь, делать людям православным, сынам матери-Церкви, когда божественными глаголами, изречениями, обетованиями, пользуются и диавол, и ученики его, из которых одни - лжеапостолы, другие - лжепророки и лжеучители, а все вообще - еретики? Как им отличать истину от лжи ввиду изречений Священного Писания?

Так, как, по преданию святых и ученых мужей, мы сказали в начале настоящей записи. Именно, они непременно должны соблюдать, чтобы Священное Писание истолковывалось согласно с преданиями всей Церкви и по указаниям вселенского догматического учения, в самой же вселенской и апостольской Церкви необходимо должны следовать всеобщности, древности, согласию, так что если бы когда-нибудь часть восстала против целого, новизна против старины, погрешительное разномыслие одного, или вообще меньшинства, против согласия всех или, по крайней мере, решительного большинства православных, то погрешению части они должны предпочесть непогрешимость всеобщности; при вопросе же о самой всеобщности, благоверие древности предпочесть непотребству новизны; наконец, при вопросе о самой древности, безрассудству одного, или ограниченного числа лиц, предпочесть прежде всего общие определения какого-либо Вселенского Собора, если таковые на данный предмет есть,- а если их нет, в таком случае, - то, что всего к ним ближе, то есть взаимно согласные суждения большинства великих учителей. Если будем, при помощи Божией, соблюдать это верно, здравомысленно и старательно, то без большого труда различим всякие преступные заблуждения появляющихся еретиков.

...Должно впрочем заметить, что мы обязаны с величайшим усердием исследовать эти согласные суждения древних святых отцов и следовать им, не относительно всяких каких-либо маловажных вопросов по Священному Писанию, но главным образом только касательно правила веры [2].

С другой стороны, не всегда и не все ереси должно обличать этим способом, но только новые и недавние, в первый раз появляющиеся. ... Что же касается ересей давних и застарелых, то нам нет ни малейшей надобности подступать к ним этой дорогой... Как бы ни были древни непотребства такого рода ересей, или расколов, мы должны или поражать их, если нужно, не иначе как авторитетом Священного Писания, или же без колебания

убегать от них, как от пораженных учением и осужденных Вселенскими Соборами православных пастырей Церкви.

Конец. И Богу нашему слава!

Примечания

1. Частные ошибочные мнения некоторых древних отцов им были извинительны, так как они держались их по недоразумению, подобно тому как некогда праотец Ной, не зная силы виноградного сока, подвергся случайно опьянению. Напротив, те же самые мнения, когда впоследствии стали возводить их в правило и придавать им догматическую важность, сделались уже для других преступными, как, продолжая сравнение, преступно пьянство, и ссылаться в подтверждение их на авторитет небольшого числа древних отцов, некогда разделявших их по неведению, так же нечестиво, как нечестиво оправдывать порок пьянства указанием на пример Ноя. - прим. пер.

2. Тот, кто стал бы искать буквального совпадения у Святых отцов в частных и маловажных вопросах, может прийти к неправильному впечатлению, что нет единства православного вероучения. В самом деле, в толковании Священного Писания одно и то же место даже у одного и того же Святого отца может изъясняться по-разному. Чтобы согласить эти противоречия требуется большой опыт, познания и духовная мудрость, которыми далеко не все обладают. В этих затруднениях нам помогает, во-первых, правило св. Викентия: искать у Святых отцов прежде всего правило веры; а во-вторых, труды признанных церковью толкователей и согласителей мыслей Святых отцов. В особенности горячо рекомендуем образцовые труды епископа Феофана Затворника: его толкования молитвы Господней, Апостольских посланий, псалмов.- прим. изд.

Св. Викентий Лиринский (+ ок. 450 г.). Рассуждение о вере (434 г.) // Чельцов И.В. Собрание символов и вероизложений Православной Церкви от времен апостольских до наших дней // Христианское чтение. СПб.: 1869. № 5 (май). С. 152-160. СПб.: 1869. № 6 (июнь). С. 161-176. СПб.: 1869. № 10 (октябрь). С. 177-184. S. Vincentii Lirinensis Commonitoria I et II. PL 50, 637-686.